

В. Е. Козляков, профессор

СТРЕКОПЫТОВЩИНА

The article reveals the causes, course and consequences of the rebellion of soldiers of some Red Army troops opposing the Soviet power in March 1919 in Gomel. The leader of the rebels was N. Strekopytov, a former officer of the tsarist army. The article makes the conclusion that the tragic events in Gomel is a typical phenomenon for the Civil War in Russia. It revealed various tendencies: errors and shortcomings of the new authority, attempts of some elements not to take into account any authority with the hope to return the lost privileges, discrepancies between parties of socialist orientation which appeared to be on different sides of the barricades. However, we can't but accept the evident regularity: the major part of working people having different attitudes to representatives of the Soviet power supported this power as they understood falsity of landowners and entrepreneurs with their «mottoes about» democracy and freedom.

Введение. Гражданская война, развернувшаяся на просторах бывшей Российской империи, была обусловлена противостоянием различных социальных и политических сил. С одной стороны, бывшая предпринимательско-помещичья элита и ее обслуга не желали мириться с утратой привилегированного положения в результате Октябрьской революции и делали все возможное, чтобы взять реванш у победившего трудового народа. С другой, новая власть старалась укрепить завоевания революции и осуществить первые преобразования, направленные, по убеждениям революционных романтиков, на реализацию интересов всего народа. Однако строители нового общества, как во всякой революции, вынуждены были прибегать к непопулярным мерам, полагая при этом, что эти меры временные, но необходимые. Естественно, не обходилось без ошибок, промахов, просчетов. Подобные тенденции совершенно отчетливо проявились в различных вооруженных выступлениях и восстаниях, в том числе и в стрекопытовском мятеже, составивших трагическую хронику братоубийственной войны.

Интерес к истории стрекопытовского мятежа проявился сразу после окончания гражданской войны. Уже в 1921 г. вышел сборник, включавший воспоминания большевиков, в котором повествовалось о трагических событиях на Гомельщине весной 1919 г. [1]. Чуть позднее Г. Лелевич издал брошюру «Стрекопытовщина», где, основываясь на более широкой документальной базе, изложил хронологию мятежа и попытался выяснить его причины [2]. В объемистом труде «Крушение антисоветского подполья в СССР» Д. Голиков также упомянул о стрекопытовщине, основываясь, главным образом, на двух упомянутых выше изданиях [3]. Указанные работы однозначно оценивали стрекопытовский мятеж как контрреволюционный.

Демократизация общественной жизни в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., наступившая гласность и провозглашенная свобода слова

вызвали жгучее желание у некоторых историков и публицистов побыстрее «разобраться» с так называемыми «белыми пятнами» в истории, переосмыслить уроки прошлого. Однако некоторые деятели пошли по упрощенному пути: то, что оценивалось в советской историографии со знаком «плюс», стали лихорадочно менять на «минус». И наоборот, то, что ранее было «минусом», теперь в мгновение ока становилось «плюсом». Если в условиях руководящей и направляющей роли КПСС все недовольства и выступления против советской власти квалифицировались как сплошь белогвардейские, контрреволюционные, то теперь антисоветские мятежи и восстания усилиями отдельных историков стали подаваться как «борьба повстанцев за демократию и справедливость». Подобная оценка дана стрекопытовщине Ю. Витьбичем (Ю. Стукаlichem) [4]. Автор полагает, что стрекопытовское восстание прошло под эсеровскими лозунгами, что, дескать, рабочие, крестьяне, красноармейцы встретили призывы «повстанцев» с энтузиазмом [4, с. 51, 61, 63, 67].

Более сдержана в своих оценках В. Лебедева. Тем не менее и она в своих статьях подчеркивает явную антибольшевистскую направленность восстания, а причины его неудачи видит в большевистской диктатуре, которая опиралась на военную силу и успела укрепиться [5, 6]. При всем разбросе мнений в оценках следует признать, что события, произошедшие в Гомеле в марте 1919 г., безусловно, свидетельствовали о накале страстей и трагизме гражданской войны, в ходе которой население несло неоправданные потери от конфронтации двух политических лагерей.

Основная часть. К весне 1919 г. ситуация в южных и юго-восточных районах Беларуси сложилась чрезвычайно остро. Часть белорусской территории была оккупирована польскими войсками, с юга угрожали петлюровцы. С большим трудом, после долгого перерыва советскую власть в Гомеле удалось восстановить лишь к январю 1919 г. Серьезные проблемы возникли в обеспечении населения продоволь-

ствием. Так называемая «продовольственная разверстка» и другие методы политики «военного коммунизма», примененные большевиками, особого эффекта в обеспечении Красной Армии и городского населения не приносили. Более того, военно-коммунистические методы вызывали определенное недовольство трудового крестьянства. Крестьянские волнения весной 1919 г. нашли отклик в некоторых частях неокрепшей еще тогда Красной Армии. Несколько раз верным советской власти частям приходилось разоружать морально разложившиеся полки, проходившие и через станцию Гомель. Все эти выступления и вспышки происходили в разное время и поначалу довольно быстро пресекались [2, с. 14].

Однако главные события развернулись вокруг 2-й (Тульской) бригады 8-й стрелковой дивизии Красной Армии в составе 67-го и 68-го полков, прибывших в Гомель еще в конце января 1919 г. Командование Красной Армии намеревалось указанные части использовать в военных действиях против петлюровцев. Однако снабжение этих частей было налажено довольно плохо. Кроме того, они попали в тяжелые жилищные условия. Дело в том, немецкие оккупанты, покидая город, не преминули оставить гомельчанам соответствующий «подарок»: почти все казармы были приведены в негодное состояние. Для бойцов Тульской бригады не нашлось помещений, так как восстановить казармы в течение нескольких недель, особенно при тех условиях, было невыполнимо. Пришлось красноармейцев расселять по частным квартирам, что, естественно, особого восторга у постоянных жильцов и владельцев не вызвало.

Наряду с кризисом жилищным Гомель в то время переживал продовольственный кризис. Губпродком, недавно организованный, был еще не в состоянии удовлетворить нужды воинских частей. Позже, анализируя причины мятежа в Гомеле, в докладе представителя Центрального Комитета РКП(б) Е. Бош признавалось, что за короткое время между рабочими, красноармейскими массами и органами советской власти образовалась пропасть. Спекуляция и отсутствие продовольствия во многом усугубили напряженную ситуацию. «Вялая партийная работа и занятие всех комиссарских постов работниками, не связанными непосредственно с массами и к тому же евреями, дали полную свободу погромной агитации, — писала Е. Бош. — Железнодорожные рабочие стали заявлять, что повсюду везде у них сидят жидовские комиссары. Сторонники старого режима стали натравливать русское население на евреев. Отсутствие продовольствия усугубляло положение. Рабочие хлеба не получали и вынуждены были его покупать по спекулятивным ценам... Преобладание среди спекулянтов евреев

дало повод для антисемитской агитации» [7, л. 17, 49]. Не последнюю роль в качестве детонатора социального взрыва сыграли, по свидетельству Е. Бош, и выступления эсеров с критикой недостатков советской власти.

К тому же еще в начале февраля 1919 г. распространились слухи о готовящемся выступлении против советской власти, будто намеченном на день годовщины Красной Армии — 23 февраля. Местный ревком стал настаивать на удалении полков из Гомеля. 18 марта 68-й полк был направлен на фронт в район г. Мозыря, а через несколько дней туда же дислоцировался и 67-й полк [5, с. 50].

Однако деморализованные части не только не смогли наступать, но и не оказали какого-либо сопротивления петлюровцам. Среди красноармейцев усилилось брожение. Зазвучали требования немедленно бросить фронт и ехать назад — до самой Тулы. Попытки коммунистов навести порядок только обострили ситуацию — они были арестованы, а комиссар Ф. Сундуков застрелен.

В ночь с 23 на 24 марта 1919 г. одиннадцать эшелонов с мятежными красноармейцами вернулись в Гомель. Вскоре выяснилось, что руководство мятежом взял на себя так называемый «Полесский повстанческий комитет», которым, по утверждению Ю. Витьбича, руководили эсеры. Тем не менее, в состав «комитета» входили бывшие царские офицеры — командир 68-го полка А. Мачигин и начальник хозяйственной части 68-го полка Н. Стрекопытов. Вряд ли эти господа разделяли идеи эсеровской партии. Между тем, не исключено, что некоторые члены «Полесского повстанческого комитета» были приверженцами эсеровской идеологии.

Дело в том, что еще в конце 1918 — начале 1919 гг. в Речицком, Мозырском и Гомельском уездах довольно активно действовали «Полесский ревком» и его структуры, почти целиком состоявшие из левых эсеров. Они попытались после ухода немцев организовать советскую власть в соответствии с левозэсовскими принципами. «Полесский ревком» издавал самостоятельные приказы о мобилизации мужчин от 20 до 40 лет в партизанские отряды. Кроме того, он повел решительную борьбу с гайдамаками, помещиками и Петлюрой. Из местных крестьян был даже сформирован «повстанческий полк» [8, л. 46]. По утверждению левозэсовского руководства, коммунисты не могли смириться с существованием «Полесского ревкома», «необыкновенно популярного среди крестьянства», и организовали в Гомеле параллельный уездный Ревком. К тому же 19 февраля все пинские левые эсеры были арестованы, а «повстанческий полк» распущен [9, с. 3]. Не исключено, что некоторые левые эсеры, остав-

шиеся на свободе, позже вошли в состав «Полесского повстанческого комитета».

24 марта 1919 г., захватив станцию, мятежники отправили по разным адресам телеграмму следующего содержания: «Власть большевиков в Гомеле низложена. Движением руководит повстанческий комитет. Арестовывайте членов чрезвычайных комиссий, комиссаров... Не пропускайте большевистских эшелонов. Если нужно, разрушайте пути. Осведомите население и действуйте смело и энергично. Телеграфируйте дальше. Устанавливайте связь в действиях. Осведомляйте на станцию Гомель. – Полесский повстанческий комитет» [2, с. 30]. Эта телеграмма сыграла провокационную роль в событиях, так как ее получатели, в том числе командир Красной дивизии, экстренно выдвинувшейся из Брянска на помощь гомельским коммунистам, посчитал, что Гомель уже занят мятежниками и бессмысленно что-либо предпринимать.

Между тем городские партийные и советские организации готовились дать отпор мятежникам. Был образован Военно-революционный штаб. Коммунисты и советские активисты заняли боевые позиции, сообщили о событиях в Могилев. Вооруженных защитников, однако, было мало. Они не могли оказать длительного сопротивления взбунтовавшимся солдатам, которыми командовали офицеры [3, с. 420].

Со станции мятежники повели наступление на город, захватили тюрьму и освободили около 400 заключенных, главным образом уголовников. Вскоре в их руках оказалась значительная часть города. Лишь гостиница «Савой», превращенная в опорную базу сопротивления, здание ЧК и телефонная станция все еще оставались за коммунистами. Утром 25 марта мятежники начали обстрел из артиллерийских орудий и минометов гостиницы «Савой». Положение осажденных стало катастрофическим. Они вынуждены были вступить в переговоры с мятежниками. Последние согласились отпустить всех находившихся в гостинице (их осталось 65 человек). Но когда коммунисты сложили оружие, мятежники, вопреки обещаниям, задержали ответственных работников партийных и советских учреждений и, избив, отправили их в тюрьму. Власть в городе повсеместно перешла к вооруженным мятежникам.

В тот же день гомельчане узнали фамилию руководителя мятежа, давшую впоследствии название самой авантюре. По городу был расклеен приказ № 1 «командующего войсками Стрекопытова». Первый пункт гласил: «Сего 24 марта я, по избрании повстанческим комитетом, принял на себя обязанности командующего войсками гомельской группы, восставшими против правительства Троцкого и Ленина» [2, с. 34].

«Полесский повстанческий комитет» и военное командование мятежников выпустили

несколько воззваний к населению города и уезда. В одном из воззваний «повстанцы» так сформулировали цели и лозунги своего движения: «Граждане, сбросьте гипноз!... Большевики кажутся вам сильными, потому что вы стоите на коленях. Встаньте с колен! Наши лозунги: 1. Вся власть Учредительному собранию. 2. Сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности, в зависимости от реальных требований хозяйственной жизни страны. 3. Железные законы об охране труда. 4. Проведение в жизнь гражданских свобод. 5. Земля – народу. 6. Вступление Русской республики в Лигу народов». В другом воззвании говорилось, что «Россия объявлена Народной Республикой», содержался призыв к крестьянам выбирать повстанческие комитеты в селах, деревнях, местечках, городах и вручать им временно всю власть [2, с. 35–36].

Провозгласив «гражданские свободы», мятежники стали осуществлять террор против коммунистов. В одном из приказов Н. Стрекопытова имелся следующий пункт: «Лица, коим известно местопребывание скрывшихся большевистских комиссаров и коммунистов, а также и домовладельцы, где они проживают, должны немедленно донести мне. Виновные в укрывательстве будут караться по всей строгости осадного положения».

Жертвами террористов становились не только коммунисты, но и простые жители. По свидетельству очевидцев, еще в ночь на 25 марта, т. е. до падения гостиницы «Савой», начались налеты «повстанцев» на квартиры граждан. Эти молодчики, угрожая револьверами, требовали выдачи коммунистов. Самый беззастенчивый, самый циничный грабеж сопровождал эти налеты. В ряде случаев антикоммунистические погромы приобретали явную антисемитскую окраску – грабили и убивали в первую очередь евреев [2, с. 40].

Даже сами стрекопытовцы были вынуждены признать факты грабежей, однако остановить разнузданный террор руководители мятежа были уже не в состоянии. Свидетель тех событий, бывший председатель Губпродкома В. Селиванов впоследствии рассказывал: «По Замковой улице и по другим прилегающим улицам к станции начался поголовный грабеж населения. В домах отбирали все, что было ценным. На улицах раздевали встретившихся граждан. В советских учреждениях разбивали несгораемые кассы, забирали денежные знаки, рвали и сжигали дела, нагружали продовольствие из складов Губпродкома и Райсоюза и отправляли на Полесскую станцию... В городе творилась такая вакханалия, которую может себе представить только переживший эту историю» [1, с. 161]. 26 марта стрекопытовцы отобрали заключенных в тюрьму ответственных

советских работников города и увезли на Полесский вокзал. Судьба их до подавления мятежа оставалась неизвестной. Эти и другие подобные факты убедительно опровергают утверждения Ю. Витьбича о том, что в Гомеле «было адносна спакойна», что «спробы часткі гараджан і, галоўным чынам прыгарадных сялян арганізаваць гебрэйскі пагром камандатура перасекла на самым пачатку» [4, с. 61].

Нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что население Гомеля и уезда, затерроризированное борьбой разных властей, отнеслось к претенденту на роль нового «демократического освободителя» довольно настороженно. Нигде, кроме Речицы, организованной поддержки мятежа не произошло. Зато меры по его подавлению были приняты довольно скоро. Против мятежников выступили красноармейские части Брянского и Смоленского гарнизонов. Партийные организации направили туда слушателей курсов красных командиров в г. Могилеве и Минской партийной школы, а также сформированные коммунистические отряды из Бобруйска, Клинцов, Новозыбкова, Почапа, Пропойска, Витебска, Унечи, Ветки. Некоторые из них, например Витебский, пришлось вернуть из-за ненадежности, часть красноармейцев (около 100 человек) перешла к стрекопытовцам в районе Узы.

Основные силы подошли к Гомелю 28 марта и готовились к штурму. Убедившись, что возмездие не за горами, «повстанцы» начали спешную эвакуацию в ночь с 28 на 29 марта в направлении Речицы. Возникла паника, тем не менее грабежи, еврейские погромы достигли своего апогея [5, с. 52]. Вскоре Гомель был полностью очищен от мятежников. Когда курсанты Могилевских курсов заняли станцию Гомель-Полесский, они обнаружили в «вагоне смерти» груды изуродованных тел. Это были трупы 14 ответственных советских работников города. 9 убитых остались неопознанными [3, с. 423].

Захваченные организаторы и активные участники мятежа понесли должную кару. Выездная сессия Реввоентрибунала Западного фронта еще в Калининских 1 апреля 1919 г. рассмотрела дела восьми мятежников, в том числе бывшего командира 68-го полка А. Мачигина. По приговору сессии эти восемь мятежников были расстреляны. В Могилеве Реввоентрибунал вынес смертный приговор еще 62 участникам мятежа [2, с. 51–52].

Однако Н. Стрекопытов, С. Степин и большинство застрельщиков мятежа со значительной частью «повстанцев» перешли фронт в районе Хойников и сдались петлюровцам. Они были переданы польской стороне, разоружены и интернированы. Позднее некоторые участники стрекопытовского мятежа влились в воен-

ные группировки Н. Юденича в Эстонии, Б. Савинкова и С. Булак-Балаховича в Польше [6].

Заключение. Стрекопытовщина – явление довольно типичное для гражданской войны. Подобные восстания и мятежи свидетельствовали об острейшей борьбе, в которой каждая из сторон понесла свою долю исторической ответственности за возникавшие кровавые конфликты. К сожалению, жертвами этой братоубийственной войны становились и ее застрельщики, и рядовые участники, и простые граждане, мирное население. В этой гражданской войне высветились разные тенденции: ошибки и упущения новой власти, желание определенных слоев не считаться ни с какой властью, провокационные интриги и открытые домогательства приверженцев старого строя, не оставлявших надежд вернуть утраченные привилегии, противоречия между партиями социалистической ориентации, оказавшимися в силу ряда обстоятельств по разные стороны баррикад, и многое другое. Но нельзя не признать очевидную закономерность: подавляющая часть трудового населения, даже при неоднозначном отношении к конкретным функционерам советской власти, в итоге эту власть поддержала, поскольку убеждалась, что за лозунгами «демократии и свободы» скрывались явные намерения помещичье-предпринимательской элиты вернуть привилегированное положение. Осмысление подобных уроков гражданской войны не потеряло своей актуальности и в наши дни.

Литература

1. Революционная борьба в Гомельской губернии. – Гомель: Госиздат, 1921. – 363 с.
2. Лелевич, Г. Стрекопытовщина. Страничка из истории контрреволюционных выступлений в годы гражданской войны / Г. Лелевич. – М.: Госиздат, 1923. – 64 с.
3. Голиков, Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.) / Д. Л. Голиков. – М.: Политиздат, 1975. – 703 с.
4. Віцьбіч, Ю. (Стукаліч, Ю.) Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі / Ю. Віцьбіч (Ю. Стукаліч). – Нью-Ёрк: Беларускі інстытут мастацтва, 1996. – 189 с.
5. Лебедзева, В. Стракапытаўскі мяцеж / В. Лебедзева // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 4. – С. 50–52.
6. Лебедзева, В. Стракапытаўскае паўстанне / В. Лебедзева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 1. Кн. 1. – С. 428.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 17. – Оп. 84. – Д. 17.
8. РГАСПИ. – Фонд 17. – Оп. 4. – Д. 46.
9. Бюллетень Центрального Комитета Партии левых социалистов-революционеров интернационалистов. – 1919. – № 4.